

Иванов Всеволод Вячеславович

Партизаны

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
И17

И17 **Иванов Всеволод Вячеславович**
Партизаны / Иванов Всеволод Вячеславович – М.: Книга по Тре-
бованию, 2012. – 56 с.

ISBN 978-5-458-03391-6

ISBN 978-5-458-03391-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Всеволод Иванов
Партизаны

Всеволод Иванов

ПАРТИЗАНЫ

Рассказ

Посв. Александру Оленич-Гнененко.

I

Костлявый, худой — похожий на сушеную рыбу — подрядчик Емолин ходил по Онгедайскому базару и каждого встречного спрашивал:

— Кубдю не видали?

— Нету.

Наконец, голубоглазый чалдон, навеселе, повидимому, затейливо улыбнулся и указал Емолину:

— Подле церкви Кубдя... Гармошку покупат... А тебе на что?

— Надо, — отрывисто ответил Емолин.

Чалдон под-ряд четыре раза икнул и отошел.

«Деньги есь... Гармошку кикиморе... Заломатся», — подумал Емолин и пожалел потраченные сутки на езду в Онгедай.

Емолина то-и-дело толкали.

К прилавкам совсем нельзя было подойти, Емолин хотел пробраться между торговыми рядами, образующими улицу, но тут гнали целые табуны лошадей и жалобно блеявших баранов. Пыль грязно-желтыми пятнами стлалась над тесовыми лавками.

— Жарынь, — сказал Емолин, вытирая вспотевшую жилистую шею.

Горло сушила духота, уши оглушал базарный шум, на прилавках резали зрение яркие пятна — бязей, шелковых тканей, китайских сарпинок.

— В эку духоту и нейметя!.. Сшалел народ!..

Подле церкви толкотни было меньше. Здесь торговали горшками и у возов слышался только тонкий звон посуды да перекрики торгующихся. Кубдя, в синей дабовой рубахе и в таких же коротких, но широких штанах, в рваных опорках на босу ногу, стоял у церковной ограды, рассматривая желтого глиняного петушка.

Высокий чалдон в сером озяме скучными глазами смотрел на покупателя.

— В день много работашь? — спрашивал Кубдя.

— Как придется.

— Полсотни, поди, так работашь?

Чалдон посмотрел на опорки покупателя и нехотя ответил:

— Быват и полсотни.

— Видал ты ево, — с уважением сказал Кубдя, кладя петушка обратно. — Ты бы, брат, бросил петухов-то делать...

— А что — ворон прикажешь?

— Не ворон, а хоть бы туеса березовые, примером. Все выгодней.

— Сами знам, что делать.

— Эх ты, лепетун!

Кубдя увидел Емолина и, указывая на чолдона, сказал:

— Возьми вот ево, лепетуна, — петухов делат.

— Всякому свое, — строго сказал Емолин. — А мне тебя, Кубдя, по делу надо.

Кубдя взял опять петушка, повертел его в руках и купил, не то чтоб для надобности, а показать Емолину, что он, Кубдя, в деньгах не нуждается.

— Ну, говори!

— Пойдем, по дороге скажу, — сказал Емолин.

Кубдя сунул петушка в карман и отправился за Емолиным.

— Ты каку работу исполняшь?

— Работы по нашему ремеслу многа.

— А все-таки?

Кубдя улыбнулся под обвислые усы:

— Народ нонче бойко умирает. Будто пал по траве идет.

— Ну и что ж?

— Гробы приходится...

Емолин смочил языком обсохлые губы и пренебрежительно сказал:

— Ерунда! Гробовая работа — самая поганая... Горбулин-то с тобой?

— В селе.

— И Беспалай?

— Есть и Беспалай. Соломиных тоже тут.

— Еще ребята поди есть?

— Как не найдутся. А тебе на што, лешай?

Емолин выкроил улыбку на желтом изможденном лице.

— Что, не терпится?

Кубдя крикнул:

— Люблю артельную работу, Егорыч.

— А говоришь, у те тут есь.

— Жидомор ты, никак тебе правды не скажешь... Все надо юлить.

А то живьем слопашь.

Кубдя взглянул на его кривой влево рот и подумал «сволочь». Емолин остановился и, поблескивая желтоватыми белками глаз, сказал:

— Патаму, што у вас, окромя как в себя в никово веры нету, — понял?

Кубдя крикнул.

— Крикнула утка, когда ее съели!.. А хочу я, Кубдя, вот что сказать вам. Подрядился я в Улейском монастыре амбары строить. Лес там иметса; инструменты, поди, при вас?

— Как же... Помесячно, али поденно?

— Поденно. Двадцать цалковых на моих харчах.

— Дураков нету.

— Каких дураков?

Кубдя отошел от него на шаг и свистнул:

— Хитер ты, Егорыч. Прямо бяда. Кто к тебе пойдет, когда на сенокос дадут две сороковки в день.

— Окуроч ты! Сенокос — месяц, а тут и лето и осень.

— Да што мне, когда на колчаковские сейчас по сороковке в городе водку продают?

— Ладно, — сказал Емолин примиряюще, — пойдём ко мне чай пить.

— Самогонка есть?

— Не самогонка, браток, а «николаевка».

— Вот панихида! — восторженно вскрикнул, хлопнув себя по ляшкам, Кубдя.

Они прошли базар, и Емолин свернул в переулок. Подрядчик выдернул деревянную щеколду, и большие тесовые ворота, визжа в петлях, распахнулись. На цепи, подпрыгивая, хрипло залаял на них пес. Из сутунчатого пригона протяжно спросил женский голос:

— Кто тама-ка?

— Я, Матвеевна, я, — отвечал Емолин, входя на высокое крыльцо из огромных кедровых досок. — Самовар бы нам...

— Сичас.

Молодая женщина в светлом ситцевом платье и с подойником в руках вышла из пригона. Емолин, входя в сени, спросил ее:

— Чо поздно доишь-то?

— Так уж приходится, — отвечала она, громыхая самоварной трубой. — Вы где пить-то будете, в горнице, али, может, в затине?

Емолин дзвякнул посудой в ящике.

— Все равно. Можно в горнице. Там, кажись, мух мене.

— Прямо напасть с этими мухами! Уж мы их травили-травили, ни лешака на них нет... Лонись мужик поворот какой-то на них привозил, вот шибко подействовал.

— Не поворот, а водород. Сусликов травят, — поправил Емолин. Женщина рассмеялась.

— Кучея их знат. Нонче все наоборот. Вон царя-то в Омске не русского посадили и икватерем зовут.

Емолин рассмеялся жиденьким смехом:

— Необразовщина, прямо — тайга!.. Видмеди вы! Колчак-от старого рода, бают, и ни царь, — а диктатер...

— Одна посуда-то, — сказал Кубдя.

— Посуда-то одна, да вино разно. То тебе коньяк, а то самогонка.

— А то тебе ртуть.

— Ртуть не пьют, а киргизы от дурной болезни лечутся...

Емолин сидел на деревянной крашеной скамье со спинкой. Кубдя на крашеном тоже деревянном стуле. В горнице было прохладно — сквозь маленькие окна свету пробивалось мало, да и мешали широкие, легко пахнувшие, герани в глиняных глазурованных горшках. Двери и печка были разрисованы большими синими по желтому полю цветами, а на полу лежали плетеные из лоскутков половики.

Пока хозяйка доставала из шкапа посуду, ставила на стол калачи из сеянки, пироги с калиной и молотой черемухой, Емолин самоуверенно рассуждал:

— Ты возьми, Кубдя, меня. Из ково ты, скажи мне, я поднялся?..

Кубдя ждал с нетерпением, когда Емолин раскупорит бутылку с водкой, и потому с усмешкой отвечал:

— Никуды ты не поднялся.

— Врешь! Был я, скажем, лапотной пермской мужик, а теперь имею дом с железной крышой и хозяйство честь-честью и почет ото всех.

— Ну и славу Богу.

— Известно, славу Богу, — подтвердил Емолин, выбивая пробку и наливая водку в стаканчики, — только ни черта не понимаете вы. Пей!

— Да уж пейте вы... — по обычаю отказался Кубдя.

— Пей.

— Не буду.

Емолин выпил, скривил лицо, грязными гнилыми зубами откусил кусок пирога.

— Крепка, стерва... Пей.

Кубдя выпил, тоже скривил лицо и сразу всунул в рот целый пирог.

— Да-а... — замычал он: — ничего, себе... Крепка!..

— Пей! — сказал Емолин.

Кубдя уже не отказывался.

Емолин ел плохо, копошась длинными пальцами в хлебе, отламывая и откладывая в сторону корки. Кубдя же ел, торопливо глотая полупрожеванные куски. Глядя на его быстродвигающиеся желваки челюстных мускулов, Емолин с достоинством пил кирпичный чай и с достоинством рассуждал:

— Мало вы в народе кишите... В образованном народе говорю, а потому доверие к другим плохое возбуждаете. А без доверия и курица яйца тебе не снесет, не то што в народе жить...

Кубдя хватил стаканчик и под ним мрачно закричал стул. Емолин продолжал:

— Ко власти стыд потеряли, одинаково с видмедами... За себя не стоите; чорт вас знат, чо вам требуется! Я вот потружусь, а потом отдыхать пожелаю. Отдыхай, брат, Емолин — и никаких!

Кубдя рыгнул и отодвинулся от стола:

— Спасибо, хозяин, за хлеб за соль.

Емолин налил еще.

— Пей, Кубдя. А не за что благодарить-то.

Кубдя размахнул рукой и удивился про себя, что жест у него такой легкий.

— Раз я благодарю, ты принимай — и никаких. А что отдыхать тебе, Емолин, то не придется.

— Почему так? Раз мы заслужим, почему так не придется?..

— А так.

— А кто мне помешать смет?

— Найдутся.

Емолин стукнул ребром ладони по столу.

— Нет, ты говори! Я знать желаю.

Кубдя густо улыбнулся и подмигнул:

— Найдутся, Егорыч, — други отдохнут за тебя... Ей-богу!..

— Сыны, что ль?

— Все мы сыны, да не одного батьки. Во-от... Ты вот дом строишь; думаешь: отдохну, поживу... Крепко, браток, строишь с железной крышей, с голанской печкой, скажем. А тут — на тебе — выкуси! Не придется. Получится заминка.

— Какая?

Кубдя широко раскрыл слипающиеся глаза и вдруг тихо и часто-

часто рассмеялся:

— Хо-хо-хо-хе-е... Дерон, вы, зяленой, дерон... Хо-хо-хе-е...

Емолин тоже рассмеялся:

— Хо-хо-хо-хе-е... Темень ты стоязычня, темень... Хо-хо-хо-хе...

Из прихожей выглянула хозяйка, посмотрела, махнула рукой:

— Ой, девоньки, уморят.

И залилась клохчущим, мелким смехом.

II

С похмелья голова у Кубди никогда не болела, только скверно и остро першило в горле — словно обожжено чем. Утром, проснувшись, Кубдя, задевая ногами то об ведро, то об доски, разбросанные по полу, долго искал ковш и, не найдя, охватил толстыми и широкими руками кадку с водой, поднял ее и, проливая блестящие капли в белые душистые опилки, напился. Послушал, как булькает в животе вода, и вспомнил, что вчера нанялся к Емолину.

«Своей работы будто не хватает», — неодобрительно об себе подумал Кубдя, отламывая хрустящую краюшку хлеба.

Бабка Енолиха остро взглянула и, сквозь неповоротливую дряхлость лица и голоса, крикнула ему:

— Опять пьянствовать, Кубдя? Базар-то кончился.

Кубдя потер пальцами глаза и ответил:

— Знаю.

— Робить надо.

— И то робить хочю.

— Так что в ворота-то поперся?

Кубдя, просовывая в рот кусок, заглянул в погреб. Там было прохладно и темно, а в избе мешали мухи.

Енолиха взглянула на него пристальней, взяла отпотевшую по стенкам крынку молока.

— Ешь, Кубдя. Чо в сухомятку-то? Молоко-то седнешнее.

— Не люблю молоко, — сказал Кубдя и подумал: — «ребятам надо сказать. Вот ругаться будут, лихоманки».

Енолиха отставила молоко.

— И то ведь ты не любишь.

Она спрятала руки под фартук и широкий нос ее, похожий на яйцо, отвернулся от Кубди.

— Где робить-то?

— К Емолину нанялся.

— Один?..

— Артелью думаю.

Старуха, припирая тяжелую растрескавшуюся дверь погреба, тише говорила:

— Смелости у вас, у нынешних, нету — все в артель метите. Вот и царь-то потому отказался от вас.

— Прогнали его.

— Ишь ведь... — недоверчиво растянула старуха. — Сказывай!

— Плохой царь был.

— Цари-то — они все плохи. Хороша-то нам и не надо.

— Пошто?

Старуха ловко подхватила пистерь с углями. На ходу она, немного не договаривая слова, бормотала:

— Цари-то плохи должны быть. Строго надо себя держать, — ну, кто строг, тот и плох. А без хорошего человека всегда жить можно. Вот царь-то хороший попал, ну видит, дело плохо — с таким окаянным народом рази проживешь?.. Взял... Да и ушел... Плюнул...

— Темень, вы.

Обвислые щеки старухи покраснели. Она закинула пистерь на крыльцо и крикнула Кубде:

— А ты иди, лодырь!..

— Уйду. Вот Колчаком-то поди довольна?

— Что он мне?

— Строгий.

— Все не русски каки-то. Чехи, говорят, поставили из австрияков.

Пленный он, што ли?

— Кто его знат.

— Я, морокую, из пленных в германску войну. Вон в Рассеи, так там царица.

Кубдя пошел было, но остановился.

— Кака царица? Ты что, Христос с тобой, баушка?

— Ну, а воюют-то пошто? Вот из-за царства и воюют. Тут-то Толчак самый, а там Кумыния... Не поделили что-то, а хресьяне отдувайся... Нашему брату не легче...

Она вынесла из сенок решето с крупой и тонким голосом зачестила:

— Ципы-ципы-ципы...

Маленькие желтенькие цыплята, похожие на кусочки масла, выкатились из-под навеса.

По улицам медленно проходили запряженные волами длинные ходки переселенцев. Скрипели ярма. Нехотя поднимали теплую и мягкую пыль копыта волов. Изредка пробегал дребезжа коробок

киржака-сторожила. Киржак лениво, одним глазом, оглядывал ходки переселенцев и крупно стегал кнутом маленькую лошадь. Вдоль улицы в жирной черной тени лежали парнишки и собаки, а вокруг села из-за изб густо и сыро зеленел забор тайги.

Кубдя шел к товарищам неохотно. Вчера, попойнке, он много наговорил Емолину и о себе, и о ребятах. И сейчас он тревожно думал:

«А как, черти, не согласятся?! Вот состряпают мне».

По-утру, всегда почти, Горбулин и Беспалых сидели у Соломиных. А потом все трое шли к Кубде и здесь или работали, или, если не было работы, говорили о девках и о самогонке.

Соломиных имел свою избу. Старую еще, строенную из кедровника; огромный сутунковый забор; большие ворота, словно вытесанные из камня, и над воротами длинный шест с привязанным к нему клоком сена — зимой он пускал ночевать проезжающих.

Двор у Соломиных тоже был огромный, черный, чистый. Завозни поросли зеленью, но были еще крепкие и из них можно было построить две избы.

Сам Ганьша Соломиных сидел верхом на колоде, посреди ограды и топором рубил табак. Голова его, лохматая, густо поросшая клочковатым волосом, была непокрыта и пот вздымался чуть заметным паром. И весь он походил на выкорчеванный пень — черный, пахнущий землей и какими-то влажными соками.

На земле навзничь лежал Беспалый — веснушчатый, желтоволосый, похожий на гриб рыжик, и, упираясь спиной в колоду, сидел Горбулин — широкорожий, скуластый, с тонкими прорезами глаз.

Когда Кубдя вошел во двор, они все трое обернулись в его сторону и выжидающе посмотрели на него.

«Знают, должно», — подумал Кубдя и смутился.

— Дай-ка прикурить, — сказал он, протягивая руку к табаку. Соломиных достал зеленый кисет из кармана и глубоким своим голосом проговорил:

— Ты рубленный-то не трожь. Сырой. Из кисета валяй.

Беспалый мотнул ногами и быстро поднялся.

— Ты чо, — прищипывая, заговорил он, — в ладах, что ли, с Емолиным?

Кубдя, не понимая, развел руками.

— Счас я ево встретил. Когда, говорит, на работу пойдете? Вот тебе раз, говорю, — некуда нам идти. А в монастырь-то нанялись! Еще чище!.. Какой? спрашиваю.

— Да вот у Кубди, говорит, спросите.